

УДК:811.512

Лу ДОНГЛИАНГ,

Докторант Национального университета Узбекистана
E-mail:18346341385@163.com

Рецензент: С.Камилова доктор филологических наук, профессор НУУз

ON IVAN BUNIN'S TRAGIC WORLDVIEW: A STUDY BASED ON THE LIFE OF ARSENEV

Annotation

The philosophical and aesthetic ideas expressed in "The Life of Arseniev" are consistent with the tragic worldview of Friedrich Nietzsche. The images of weapon and color in the book are very expressive. The image of weapon can be characterized as the embodiment of the Dionysian spirit. It symbolizes the world will. The images of color can be considered as a specific embodiment of the Apollonian spirit. It symbolizes the world of phenomena. I. Bunin affirmed the will with the image of weapon, and affirmed the phenomena with color. Through the interweaving of weapons and colors, I. Bunin achieved a symbolic interpretation of the world and expressed his affirmation and praise of the will to live.

Key words: Tragic worldview, Dionysian spirit, Apollonian spirit, weapon, color.

О «ТРАГИЧЕСКОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ» ИВАНА БУНИНА НА ПРИМЕРЕ «ЖИЗНИ АРСЕНЬЕВА»

Аннотация

Философско-эстетические мысли, выраженные в «Жизни Арсеньева», соответствуют трагическому мировоззрению Фридриха Ницше. Образы холодного оружия и красок в книге весьма выразительны. Образ оружия можно охарактеризовать как воплощение дионисического начала. Он символизирует волю мира. Краски можно рассматривать как специфическое воплощение аполлонического начала. Они символизируют мир явлений. И. Бунин образом оружия утвердил волю, а красками утвердил явления. Через переплетение оружия и красок И. Бунин достиг символической интерпретации мира и выразил свое утверждение и восхваление воли к жизни.

Ключевые слова: Трагическое мировоззрение, дионисическое начало, аполлоническое начало, оружие, краски.

“ARSENEV HAYOTI” MISOLIDA IVAN BUNINNING “FOJALI DUNYOQARASHI” HAQIDA

Аннотация

“Arsenev hayoti”da ifodalangan falsafiy va estetik fikrlar Fridrix Nitshening fojiali dunyoqarashiga mos keladi. Kitobdagi pichoqli qurollar va bo‘yoqlar tasvirlari juda ifodali. Qurol tasvirini Dionis ibtidoxing timsoli sifatida ta’riflash mumkin. Bu dunyoning irodasini anglatadi. Bo‘yoqlarni Apollon ibtidoxining o‘ziga xos timsoli deb hisoblash mumkin. Ular hodisalar dunyosini ramziy tasvirlaydi. I. Bunin irodani qurollar tasviri bilan, hodisalarni esa bo‘yoqlar bilan tasvirlagan. Qurollar va ranglarning uyg‘unligi orqali I. Bunin dunyoning ramziy talqiniga erishdi va yashash irodasini tasdiqlash va ulug‘lashini bildirdi.

Kalit so‘zlar: Fojiali dunyoqarash, Dionischa ibtido, Apollon ibtidosi, qurollar, bo‘yoqlar.

Введение. В произведениях И. Бунина присутствует весьма явное эмоциональное состояние - печаль. Каковы характеристики и природа этой печали? В академических кругах существуют разные мнения по этому поводу, и почти все выводы расплывчаты. Однако это действительно важная отправная точка в понимании духовного мира И. Бунина. Писатель Бунин в «Жизни Арсеньева» раскрыл сущность воли к жизни - это вечное и изначальное страдание мира, которое является основной причиной бессмысленности мира и жизни. В то же время Бунин рассматривал страдание как необходимый процесс для эстетической радости. Так что печальная атмосфера, исходящая из произведений И. Бунина, по сути своей является рожденным блаженством в муках. И. Бунин ставил печаль как противоположность пессимизму и утверждал позитивность печали и страдания в жизни и мире. Это мироощущение соответствует трагическому мировоззрению Ф. Ницше. «Трагическое мировоззрение» И. Бунина проходит через все его творчество. Например, во «Снах Чанга» Бунин отметил, «Было когда-то две правды на свете, постоянно сменявших друг друга: первая та, что жизнь несказанно прекрасна, а другая - что жизнь мыслима лишь для сумасшедших» [1]. В «Розе Иерихон» написал, что «нет в мире смерти, нет гибели тому, что было, чем жил когда-то! Нет разлук и потерь, доколе жива моя душа, моя Любовь, Память» [1]. В «Тумане» говорил, «Улыбаясь, я сидел потом на верхней палубе и чувствовал к кому-то детскую благодарность за все, что должны переживать мы. И ночь и туман, казалось мне, были только затем, чтобы я еще более любил и ценил утро. А утро было ласковое и солнечное, - ясное бирюзовое небо весны сияло над пароходом, и вода легко бежала и плескалась вдоль его бортов» [2]. Собрав воедино эти взгляды, можно легко ассоциироваться с трагическим мировоззрением Ницше. «Жизнь Арсеньева» представляет собой обобщение этих взглядов. Анализируя символические образы в произведении - оружия и красок, полезно понять сходство мироощущения

Бунина с трагическим мировоззрением Ницше, а также понять печальный стиль произведений Бунина.

Обзор литературы. До сих пор лишь немногие ученые установили связь между И. Буниным и Ф. Ницше. Главной причиной такого положения было утверждение Бунина о независимости от всех течений и направлений. Символизм, натурализм, Диониса, Аполлона и другие литературные теории и направления он называл «Вальпургиевой ночью» [3]. Это привело к тому, что многие ученые выразили неясное отношение к «модерности» у Бунина. Помимо этого, критическое исследование Бунина развивается в сложном и непостижимом направлении «некоего стихийного элемента» [4] или спонтанности творчества (Глеб Струве рассказал, «Бунин романов не писал и писать не мог») [5], хотя мы не можем отрицать сложность мысли Бунина. Возможно, именно из-за этой сложности он отрицал Диониса и утверждал Аполлона, говоря, «Эта религия страдающего бога - какая-то салонная схоластика» [6], «Конечно, терпеть не могу ничего противоестественного. Во мне только аполлоновское начало» [7]. Все это показывает, что Бунин не может игнорировать сходство трагического мировоззрения Ф. Ницше со своим собственным мироощущением в некоторых аспектах.

Методология исследования. В данной статье используются анализ текста, сравнительный анализ, междисциплинарные исследования и другие методы изучения мировоззрения И. Бунина. Путем анализа текста можно принять более глубокое понимание тем, образов и текстовых деталей бунинского шедевра «Жизнь Арсеньева». В то же время применить философское мышление к анализу «Рождения трагедии» для понимания истинного смысла трагического мировоззрения Ф. Ницше. Затем путем дедуктивного умозаключения сопоставляется и анализируется мироощущение И. Бунина с философскими мыслями Ф. Ницше для доказательства «трагического мировоззрения» Бунина.

Анализ и результаты. «Трагическое мировоззрение» - эстетический и философский подход, выдвинутый Фридрихом Ницше в его первой книге «Рождение трагедии». Данный подход составляет основу всей академической карьеры Ф. Ницше. Двойственное художественное стремление природы - аполлоническое и дионисическое начала составляют основу трагического мировоззрения. Они являются символами художественного инстинкта, где Ницше суммировал аполлонические и дионисические начала в своем анализе греческой культуры. Аполлон и Дионис коренятся в глубочайших инстинктах человека. Первый является побуждением индивида к самоутверждению с помощью иллюзии фантазии, а второй - побуждением индивида к отрицанию себя и возвращению к сути мира. Оба они предстали на эстетической сцене Ницше как два спасителя жизни. Ницше отмечал, что «Аполлоновское, дионисическое. - Есть два состояния, при которых само искусство являет себя в человеке подобно природной силе, распорядясь им, хочет он того или нет: во-первых, понуждением к видению, во-вторых, понуждением к оргазму» [8].

К. Паустовский говорил, «Я назвал «Жизнь Арсеньева» повестью <...> Это - слиток из многих земных горестей, очарований, размышлений и радостей <...> В этом слиянии поэтического восприятия мира с внешне прозаическим его выражением есть нечто строгое, подчас суровое» [9]. Несомненно, в этом романе Бунин показывает печаль и «трагическое мировоззрение» через поэтическое восприятие мира героя Алексея Арсеньева.

В целом процесс поэтического восприятия мира Алексеем можно разделить на два этапа. Во-первых, герой Алексей обнаружил, что суть мира - «вечно страждущее и исполненное противоречий» [10], посредством печали и страдания, пронизанными такими жизненными реалиями как смерть и любовь. Бунин в лице Алексея не отрицал волю к миру, в отличие от Шопенгауэра. Персонаж Алексей Арсеньев часто употребляет такие слова, как «мука сладчайшей любви» [11], «сладкая и горькая грусть» [11], чтобы подтвердить положительное значение страдания и печали в жизни и воле мира. Во-вторых, на основе понимания правды страдания мира он спасает жизнь на художественно-эстетическом уровне посредством воображения, памяти и других методов, утверждая жизнь как представление воли к миру. Эти два переплетающихся процесса миропонимания подобны двум художественным стремлениям трагического мировоззрения Ницше на философском уровне - аполлоническое и дионисическое. Мы можем объединить и проанализировать два символических образа - оружия и краски, созданных Буниным в романе, и двойственные художественные стремления, предложенные Ницше, чтобы изучить общую картину «трагического мировоззрения» Бунина.

Образ холодного оружия является представлением дионисического стремления. Он выражает «волю в ее всемогуществе, как бы позади *principii individuationis*» [10]. Он представляет собой художественную силу, которая разрушает границы индивидуального существования, уничтожает индивида и возвращается в дорогу «к Матерям бытия, к сокровеннейшей сердцевине вещей» [10].

Первый раз холодное оружие показано в романе в виде старинного охотничьего кинжала. Когда добрый и нежный мальчик Алексей прикасается к этой гладкой, холодной, острой стали, в его сердце возникнет сладострастный восторг. У него возникает желание возить нож по рукоятку. Однажды Алексей с истинным упоением зарезал молодого грача с перепитым крылом. Кинжал подобен зверскому порыву природы, который отпустили с цепи. Все это символизирует пробуждение дионисического начала природы в индивидуальности и дает индивиду погрузиться в безумное состояние. Вот почему Алексей сказал: «Я все-таки зарезал этого несчастливого грача, отчаянно борющегося со мной, в кровь изодравшего мне руки, и зарезал с страшным удовольствием!» [11].

Как только история с кинжалом закончилась, Бунин позволил Алексею впасть в другое первобытное слепое побуждение. Алексей много раз с энтузиазмом поднимался на чердак своего дома в поисках сабли. Страстная и бесцельная любовь Алексея к сабле на самом деле имеет ту же природу, что и восторг и удовольствие, возникшие в сердце юноши, когда был убит грач. Сабля, подобно кинжалу, «заставляет» Алексея увечься ею, становясь его бесцельной мечтой и страстью.

Поэтому сабля есть оформление дионисического стремления в инстинкте индивида. Когда Алексей обнаружил в мире это инстинктивное побуждение, он понял, что «ведь и все в мире было бесцельно, неизвестно зачем существовало, и я уже чувствовал это» [11].

Именно через создание образа холодного оружия, И. Бунин показал суть воли к жизни и ее представления - индивидуальной жизни, как вечно страждущее и исполненное противоречий, поэтому произведение показывает печальную, сентиментальную атмосферу. Однако это лишь первый смысл дионисического мировоззрения. В «Жизни Арсеньева» мы можем почувствовать неукротимое жадное стремление к жизни природы и ее радость. Это может быть описание смерти, любовной трагедии, воспоминания или создание персонажей, таких как Алексей и Баскаков. И.А. Бунин хотел показать чувства шемящей сладости. Так называемая сладость любви и смерти - это радость осознания страдания и печали. Эту радость Ницше называл «метафизической радостью о трагическом» [10] и «метафизическим утешением» [10]. Поэтическое восприятие того, как чувствуется сладость в конце муки жизни, выраженное в романе «Жизнь Арсеньева», по существу соответствует трагическому мировоззрению Ницше, т. е. «Говорить жизни «да» даже в самых непостижимых и суровых ее проблемах; воля к жизни, ликующая, когда она приносит в жертву собственной неисчерпаемости свои высшие типажки, - вот что назвал я дионисическим <...> не для того чтобы освободиться от ужаса и сострадания <...> но для того, чтобы, наперекор ужасу и состраданию, самому быть весной радостью становления, - той радостью, которая включает в себе также и радость уничтожения...» [12]. Отсюда видно, что образ холодного оружия содержит в себе смысл радости уничтожения.

Есть образ, который всегда присутствует в произведении «Жизнь Арсеньева», - это краски, которые создают с образом оружия определенное противоположное и сосуществующее отношение. И. Бунин говорил, «Ничто не дает такого наслаждения, как краски. Я привык смотреть. Художники научили меня этому искусству...» [9]. Для него краски и бытие тесно связаны. Писатель Бунин нашел способ скрыть существенную истину мировой воли - цветные образы. Краски подобны прекрасной фантазии мира, украшающей болезненную жизнь. Художественное значение красок в романе Бунина по существу то же, что и объяснение Ницше аполлонического стремления. Стремление жизни к видениям и иллюзиям составляет суть аполлонического начала. Функция аполлонического стремления состоит в том, чтобы сдерживать разрушительную силу дионисического стремления в жизни, вырывать «нас из всеобщности дионисического и внушает нам восторженные чувства к индивидам; к ним приковывает оно наше чувство сострадания, ими удовлетворяет оно жаждущее великих и возвышенных форм чувство красоты; оно проводит мимо нас картины жизни и возбуждает нас к вдумчивому восприятию сокрытого в них жизненного зерна» [10].

В «Жизни Арсеньева» И. Бунин выразил свое понимание образа красок с аполлоновским началом через мечту главного героя Алексея стать художником. Алексей говорил: «Я весь дрожал при одном взгляде на ящик с красками <...> - и навсегда проникся глубочайшим чувством истинно-божественного смысла и значения земных и небесных красок <...> Эту лиловую синеву, сквозящую в ветвях и листьях, я и умирая вспомню...» [11]. И. Бунин связывает краски с божественным даром, а затем ясно указывает, что краски имеют символическое значение спасения жизни для Алексея.

Как уже говорилось выше, в романе «Жизнь Арсеньева» Алексей на какое-то время был одержим легендарной саблей, и она стала его слепой фантазией. В эпизоде поисков сабли отчетливо чувствуется, что Алексей не до конца вошел в состояние самоотверженности дионисического стремления. Он и Баскаков «обходили кирпичный бор и шею трубы и при свете, падавшем из слухового окна, без конца шатались взад и вперед, заглядывали под балки, под косолежавшие над ними пыльные стропила, рыли золу, то серую, то фиолетовую, в зависимости от места, от освещения...» [11]. Когда Алексей с восторгом вспоминал волнение и самоотверженность при поисках сабли, он действительно улавливал незаметное изменение цветового тона. Это показывает, что Алексей все же сохранил некоторую степень «трезвости» в этом процессе. Он перешел от дионисического стремления к другому эстетическому измерению - аполлоническому стремлению. Символика цвета - самая тонкая

особенность образов в романе. Когда краски повсюду, они становятся образами. Таким образом, для Бунина восторг от воспоминания о поисках сабли само по себе принадлежит дионисическому началу, превращающему воспоминание в лирическое стихотворение. Однако, когда краски входят в сюжет, они имеют четкие очертания. Краски изолируют дионисическое стремление в поисках сабли. Они подобны невидимому перу, которое изображает каждый образ, превращая весь сюжет воспоминания в изобразительное искусство. Ницше считает, что настоящие аполлонические художники - пластик и эпик, погружены в чистое созерцание образов. В то время они с радостной отрадой живут среди этих образов, и только среди них, и не устают любовно созерцать их в мельчайших их подробностях. Действие произведений пластического искусства показывает «возбуждения чувства наслаждения прекрасными формами» [10]. Цель Аполлона - спасение жизни и оправдание мира индивидуации. Таким образом, два эпизода о кинжале и сабле имеют большое значение для всего романа, знаменуя официальное противостояние оружия и красок. Дионисическое стремление, представленное ножом, прибегает к уничтожению индивида, и его цель - возвращение к природе и Первоединому. В то время как аполлоническое стремление, представленное красками, использует «умеренную» мудрость, чтобы не дать дионисическому стремлению причинить непоправимую боль и катастрофу жизни.

Заключение. «Жизнь Арсеньева» - важнейший роман Ивана Алексеевича Бунина. Все произведение пронизано нежной печалью и поэтической атмосферой с шемящей сладостью. Все эти чувства писатель символически показал через волю к миру. Из чего мы можем сделать вывод, что эстетические и

философские мысли Бунина соответствуют трагическому мировоззрению Ницше. В своей книге И. Бунин показывает печаль и трагическое мировоззрение посредством поэтического восприятия мира героя Алексея Арсеньева. Образы оружия и красок в романе символизируют соответственно мировую волю и явления. Художественными центрами образов оружия и красок являются соответственно дионисические и аполлонические художественные стремления, выдвинутые Ницше. Через образ оружия Бунин раскрыл ничтожество и страдание воли мира, а затем через художественную эстетику открыл изобилие и вечность творения жизни. Он осознал, что индивидуальные страдания и уничтожения лишь необходимая часть воли мира к жизнетворению. Мы должны это подтвердить. На этой основе печаль и страдание, пронизанные образом оружия, приобрели позитивность в эстетическом смысле. Утверждение воли к жизни через утверждение страдания и печали составляет основную идею творчества Бунина, а также источник силы для победы над пессимизмом. И. Бунин утверждает явления мира через краски, поскольку на философском уровне они спасают Алексея от непосредственного слияния с оружием, то есть не дают дионисическому стремлению нанести внутреннему миру главного героя непоправимое разрушение жизни. Цветовые образы гармонизируют с образом холодного оружия и умиряют его разрушительную силу. Путем подобного «примирения» цвета и оружия мы видим возвышение аполлонического и дионисического искусств в их братском союзе. Через переплетение оружия и красок И. А. Бунин достигает символической интерпретации мира и выражает свое утверждение и восхваление воли к жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 4. М.: Воскресенье, 2006, с. 50-63.
2. Бунин И. А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 1. М.: Воскресенье, 2006, с. 452.
3. Бунин И. А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 9. М.: Воскресенье, 2006, с. 423.
4. Мальцев. Ю. Иван Бунин. М.: Посев, 1994, с. 95.
5. Струве Г. Русская литература в изгнании. М.: Русский путь, 1996, с. 171.
6. Бунин И. А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 14. М.: Воскресенье, 2006, с. 439.
7. Устами Буниных в 3 томах. Т. 2, под редакцией Милицы Грин. Франкфурт: Посев, 1981, с. 55-56.
8. Ницше Ф. Воля к власти. М.: Культурная революция, 2016, с. 506.
9. Паустовский К. Г. Зототая роза. // Паустовский Константин. Собрание сочинений в 9 томах. Т. 3. Повести. М.: Худож. лит., 1982, с. 334-336.
10. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. // Фридрих Ницше. Сочинения в 2 томах. Т. 1. М.: Мысль, 1990, с. 69-143.
11. Бунин И. А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 5. М.: Воскресенье, 2006, с. 29-180.
12. Ницше Ф. Сумерки идолов. // Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 6. М.: Культурная революция, 2009, с. 104-105.